

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 257–266. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 29, № 3, pp. 257–266. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 343.3

EDN EНBTWХ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, Maximenco.AI@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Крылова Дина Владимировна, заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, и. о. зав. кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, osdeyneka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Кострома, Россия, a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Вахрушева Анастасия Владимировна, магистрант Костромского государственного университета, Кострома, Россия, young.liar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7796-5544>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена коррупциофобии в контексте взаимоотношений государства и общества. Авторы отмечают социальные основания и следствия, на которые в настоящее время оказывает существенное влияние цифровая реальность. Целью данного исследования является описание феномена коррупциофобии. Кроме того, авторы разрабатывают и представляют новую методику изучения этого феномена, позволяющую получить, кроме всего прочего, информацию о личностных качествах и социальных фобиях чиновника, а также обосновывают актуальность ее применения как в сфере противодействия коррупции (для превентивной борьбы с ней), так и в специальных исторических и социально-политических исследованиях, нацеленных на выявление факторов, способствующих или же, напротив, препятствующих эффективному диалогу власти и общества. Настоящая публикация представляет собой первую часть диадической (теоретико-практической) работы, направленной на комплексное изучение феномена коррупциофобии, в том числе для учета при разработке законодательных инициатив, и содержит теоретическую базу и методологическую основу для второй части – перспективного целостного исследования коррупциофобии среди российских государственных служащих. Результаты опроса действующих государственных служащих, проведенного по разработанной авторами и описанной в данной статье методике, анализ и интерпретация показателей будут опубликованы в следующей статье.

Ключевые слова: диалог власти и общества, социальные отношения, цифровое пространство, коррупциофобия, противодействие коррупции, психология коррупции, опросник коррупциофобии, государственные служащие, управленческая инициативность.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № F-ZEW-2023-0007.

Для цитирования: Максименко А.А., Крылова Д.В., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Вахрушева А.В. Исследование коррупциофобии в контексте диалога власти и общества: теоретико-методологические основы // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 257–266. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>

THE STUDY OF CORRUPTION PHOBIA IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Aleksandr A. Maksimenko, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, Maximenko.AI@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Dina V. Krylova, Head of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

Olga S. Deyneka, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Political Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, osdeyneka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>

Aleksey V. Zyablikov, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Anastasia V. Vakhrusheva, master student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia, young.liar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7796-5544>

Abstract. The article is devoted to understanding the phenomenon of corruption phobia in the context of the relationship between the state and society. The authors note the social foundations and consequences, which are currently significantly influenced by digital reality. The purpose of this study is to describe the phenomenon of corruption phobia. In addition, the authors develop and present a new methodology for studying this phenomenon, which allows, among other things, to obtain information about the personal qualities and social phobias of an official, and also substantiate the relevance of its application both in the field of combating corruption (for the preventive fight against it) and in special historical and socio-political studies aimed at to identify factors that contribute to or, on the contrary, hinder an effective dialogue between the government and society. This publication is the first part of a dyadic (theoretical and practical) work aimed at a comprehensive study of the phenomenon of corruption phobia including for consideration in the development of legislative initiatives, and contains the theoretical basis and methodological basis for the second part – a future holistic research corruption phobia among Russian civil servants. The results of the survey of current civil servants conducted according to the methodology developed by the authors and described in this article, the analysis and interpretation of indicators will be published in the next article.

Keywords: dialogue between government and society, social relations, digital space, corruption phobia, anti-corruption, psychology of corruption, questionnaire of corruption phobia, officials, managerial initiative.

Acknowledgments. This work was carried with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project No. F-ZEW-2023-0007.

For citation: Maksimenko A.A., Krylova D.V., Deyneka O.S., Zyablikov A.V., Vakhrusheva A.V. The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: theoretical and methodological foundations. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 257–266 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>

Диалог власти и общества – сложная, многослойная и поливариантная система отношений. Важное и наиболее красноречивое проявление этого диалога – социальное взаимодействие государственных служащих и населения. Анализ содержания, методов и форм этого взаимодействия необходим для понимания факторов, в том числе социально-психологического свойства, обеспечивающих эффективную работу государственных и муниципальных органов или, напротив, замедляющих и затрудняющих этот процесс. Диалоговые возможности представителей органов власти [Зайцев] с населением являются важным фактором противодействия коррупции [Чернышева], опосредованно взаимосвязанные через правосознание и правовую культуру [Телегина] всех участников диалога.

В новейших научно-правовых исследованиях [Кабанов; Цирин и др.] приоритетное внимание предка-

зуюмо отдается анализу коррупциогенных зон и факторов, определяющих содержание государственного управления и, безусловно, препятствующих доверительному диалогу власти и граждан, оказывающих негативное воздействие на общее состояние дел. Отметим, что неучастие чиновника в коррупционных схемах само по себе еще не является условием эффективности его работы, профессиональной состоятельности, точкой пересечения его полномочий и возможностей с интересами и нуждами клиента. Потому не менее важно междисциплинарное исследование такого явления, как коррупциобфия, его социальных оснований и следствий, на которые оказывает существенное влияние становящаяся цифровая реальность, в том числе для учета в юридической нормотворческой и правоприменительной практике, связанной с коррупционными преступлениями.

Коррупциофобия представляет собой крайне актуальный феномен сегодняшней России, влияющий на качество государственного и муниципального управления. Боязнь совершить бытовое или профессиональное действие, которое может быть расценено как коррупционное правонарушение или нарушение антикоррупционного законодательства, влекущее соответствующее правовое наказание, определяет то, что государственные и муниципальные служащие становятся закрытыми и неотзывчивыми на запросы населения. Данная фобия приводит к подавлению стремлений к социальному взаимодействию (социальная фобия) и к снижению управленческой инициативности (фобия проявления инициативы) в среде должностных лиц (государственных и муниципальных служащих).

Со времен З. Фрейда (1894) фобия рассматривается как невротическая конструкция, запускающая неприятные навязчивые переживания [Strachey]. Согласно Фрейду, фобии становятся доминирующими, полностью меняющими поведение человека при навязчивом преувеличении религиозного церемониала (в нашем случае – законодательного регулирования противодействия коррупции). Рассматриваемое нами нивелирование коррупциофобии в духе фрейдизма можно интерпретировать как преодоление Эдипова комплекса государственными служащими (конкурирующие действия в борьбе за приватизацию власти, принадлежащей суверену).

Ответ на вопрос об источниках и способах преодоления коррупциофобии лежит в плоскости рассмотрения ее как разновидности социальных фобий. Как показано в исследовании С. Стансфелда и его коллег [Stansfeld et al.], с возникновением социальных фобий могут быть ассоциированы ранее возникающие конфликты и неблагоприятный социальный опыт. Теми же авторами в ходе другого исследования была верифицирована гипотеза о том, что низкий уровень социальной поддержки со стороны коллег и руководства, трудности социального взаимодействия на работе наиболее тесно связаны с социофобией, в то время как свобода принятия решений (обладание полномочиями в принятии решений) будет в меньшей степени связана с социофобией. Другими учеными [Niedhammer et al.] обнаруживаются свидетельства различий в факторах риска возникновения социальной фобии по полу: среди женщин факторами риска развития социальной фобии являются родительский конфликт и физическое насилие в детстве, в то время как среди мужчин фактором риска было отсутствие доверительных отношений с родителем или другим взрослым в период взросления.

Социофобия составляет до 10 % всех фобий и может привести к риску развития других психических заболеваний, таких как глубокая депрессия, злоупо-

требление алкоголем и иные тревожные расстройства [Walker, Kjernisted]. При метаанализе свыше 50 статей [Theorell et al.], посвященных проблеме развития фобий в работе служащих, было обнаружено, что напряжение на работе (высокие психологические требования и низкая свобода принятия решений), а также издевательства со стороны руководства и коллег оказывают значительное влияние на развитие фобий и депрессивных симптомов. К таким же последствиям ведет дисбаланс вознаграждения и прикладываемых усилий, конфликты, слабая поддержка и неблагоприятный организационный климат [Bonde].

Фобии, появляющиеся на рабочем месте, оказывают разное влияние на работников в зависимости от проявляющихся симптомов (депрессии или тревоги) [Niedhammer et al.]. Профессиональное неравенство наблюдалось в отношении симптомов депрессии, но не в отношении симптомов тревоги. Факторы, связанные со свободой принятия решений (ее величиной и полномочиями принимать решения), социальной поддержкой и вознаграждением (их величиной, продвижением по службе, надежностью работы и уважением), способствовали проявлению профессионального неравенства в симптомах депрессии.

На выборке из 1 046 служащих была оценена общая распространенность депрессивных симптомов (до 34 %), вызванных фобиями на рабочем месте [Valente et al., 2016a]: основные депрессивные симптомы (ОДС) – 18 %, другие депрессивные симптомы (ДДС) – 16 %. При этом статистически значимой разницы между мужчинами и женщинами выявлено не было. Высокие требования, низкий уровень контроля и слабая социальная поддержка были связаны как с ОДС, так и с ДДС. Высокие усилия при низком вознаграждении, чрезмерная самоотдача также были связаны с депрессивными симптомами, вызванными фобиями на работе.

Фобии на рабочем месте ведут к профессиональному выгоранию [Valente et al. 2016b]. Общая распространенность выгорания может составить, по данным М. Валенте, 71,8 %. Его обуславливают неблагоприятные психосоциальные условия на рабочем месте, такие как высокое психоэмоциональное напряжение и слабая социальная поддержка.

Опрос в Нидерландах (N = 11 600 чел.) показал [de Jonge et al.], что фобии чрезмерных требований со стороны работодателя в совокупности с низким уровнем контроля за работой имеют последствия в виде повышенного риска эмоционального истощения, жалоб на психосоматическое и физическое недомогание, а также неудовлетворенность работой.

Известно, что определенные виды аддикций усиливают определенные виды фобий. Так, на выборке турецких подростков (24 260 чел.) в возрасте

11–15 лет были установлены корреляционные связи между интернет-зависимостью и социальной фобией [Yayan et al.].

П. Бэттерхэмом и его коллегами [Batterham et al.] для выявления социальных фобий был разработан опросник Social Phobia Screener (SOPHS), позволяющий лучше идентифицировать подобные расстройства в исследовательских и клинических условиях.

Фобии, как было обнаружено Р. Котовым и его коллегами [Kotov et al.], взаимосвязаны с характеристиками личности, а также с показателями «темной триады» (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия). Фрустрированные запретами работники с социальным тревожным расстройством (СТР) боятся негативных оценок. Низкая самооценка и избегающее поведение страдающих СТР, как показал ряд исследований, препятствуют значимым социальным отношениям [Alden, Taylor; Piccirillo et al.; Hoffman et al.], в том числе и проявлениям инициативности и эмпатии. Темная триада – это три социально отталкивающие черты личности, которые приводят к манипулятивным установкам, корыстным мотивам, эгоизму, черствости и неэтичному или аморальному поведению, подобному мошенничеству [Jones, Paulhus]. Однако есть исследования, результаты которых свидетельствуют, что не все параметры темной триады отрицательно связаны с положительными качествами работников. Высокий уровень нарциссизма может косвенно указывать на жизнестойкость работников. При этом субклиническая психопатия и макиавеллизм в значительной степени не связаны с психической устойчивостью и жизнестойкостью [Szabo et al.].

Эффективность работы сотрудника связана с «большой пятеркой» личностных качеств [Barrick et al.], причем отрицательно связан с эффективностью работы лишь невротизм личности работника, а наиболее значимая положительная связь выявлена с показателем добросовестности [Schmidt, Ryan]. В другом же исследовании в качестве наиболее значимой переменной, обуславливающей эффективность работника, называется доброжелательность [Ghani et al.].

Преодоление социальных фобий основано на проявлении ряда индивидуальных черт сотрудников, способствующих вовлеченности их в работу. Инициативная личность связана с широким спектром продуктивного задействования и благоприятных результатов, таких как развитие личных проактивных навыков [Fuller, Marler], приобретение соответствующих профессионально-отраслевых знаний, снижение неопределенности за счет поиска обратной связи [Seibert et al.], установление и развитие профессиональных контактов.

Личностные черты сотрудника также связаны с вовлеченностью в работу. Так, исследование С. Шуклы и коллег [Shukla et al.] показало, что из пяти личност-

ных факторов только доброжелательность, добросовестность и открытость опыту имеют умеренную, но позитивную и значимую связь с вовлеченностью сотрудников. При этом экстраверсия не связана, а невротизм – отрицательно связан с вовлеченностью сотрудников в работу. Согласно другим исследованиям, на вовлеченность также влияют личные ресурсы сотрудников, их самоэффективность и осмысленность, поддержка коллег и рабочая среда [Hidayat].

Исследование тайских коллег показало, что сотрудники с высокими показателями экстраверсии находятся в постоянном поиске лучших карьерных возможностей, а также признания. При удовлетворении своих карьерных амбиций они становятся преданными своей компании [Gridwichai et al.]. Н. Рохана и К. Абдулах [Rohana, Abdullah] фокусируются на роли множественного интеллекта, который включает в себя социальный, эмоциональный, когнитивный, межличностный и внутриличностный интеллекты. Показано, что среди лидерских навыков овладение множественным интеллектом является наиважнейшей компетенцией, влияющей на эффективность работы организации.

В ряде других исследований были обнаружены отрицательные взаимосвязи между экстраверсией и различными видами фобий (социофобией и агорофобией), а также положительные взаимосвязи между невротизмом и этими фобиями [Bienvenu et al.]. В то же время связь между невротизмом и тревогой обусловлена включением таких трансдиагностических факторов, как стыд, психологическая негибкость и нарушение регуляции эмоций [Paulus et al.].

А. Руис-Гарсия и Л. Валеро-Угуайо [Ruiz-García, Valero-Aguayo] разработали для лечения различных видов фобий (в том числе агорофобии и клаустрофобии) релевантное лечение, состоящее из 8 сеансов прогрессивного мультимедийного воздействия (изображений и видео в естественных условиях сцен, вызывающих в реальной жизни фобии). Результаты такого воздействия показали снижение баллов по опросникам до и после опроса ($p < 0,001$), а также общее снижение тревожности по различным базовым показателям с сохранением таких достижений в лечении фобий в течение 1 года наблюдения.

В аспекте приведенного выше контура основных особенностей социальных фобий, способов их преодоления и лечения можно говорить о специфике борьбы с коррупцифобией как частным видом социофобии. Коррупцифобия искажает (гиперболизирует) восприятие коррупции и ее последствий (в первую очередь персональных) как таковой, что девальвирует достижения в сфере противодействия коррупции. Коррупцифобию провоцирует прежде всего освещение действий правоохранительных и следственных органов по борьбе с коррупцией в СМИ.

Таблица 1

Опросник коррупциобии

Оцените степень своего согласия с нижеперечисленными утверждениями, связанными с противодействием коррупции в России, по шкале от 1 до 5, выбрав только один вариант в каждой строке (где 1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен)

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Борьба с коррупцией в России ведет к ослаблению инициативы у государственных служащих	1	2	3	4	5
2. В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна	1	2	3	4	5
3. Борьба с коррупцией в России носит системный характер	1	2	3	4	5
4. Борьба с коррупцией ведет к тому, что чиновники становятся более ответственными	1	2	3	4	5
5. Борьба с коррупцией в России ведет к увеличению в деятельности чиновников симуляционных практик	1	2	3	4	5
6. В России можно победить коррупцию законодательными мерами	1	2	3	4	5
7. Случаи коррупции в России уменьшаются год от года	1	2	3	4	5
8. Большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание	1	2	3	4	5
9. В целом борьба с коррупцией ведет к тому, что чиновники становятся более осторожными	1	2	3	4	5
10. Борьба с коррупцией в России ведется последовательно	1	2	3	4	5
11. Противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно	1	2	3	4	5
12. Борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы	1	2	3	4	5
13. В целом борьба с коррупцией в России ведет к тому, что чиновник вынужден больше отказывать нестандартным запросам населения	1	2	3	4	5
14. Борьба с коррупцией делает чиновника бездушным и черствым по отношению к проблемам людей	1	2	3	4	5
15. Надзорные органы стараются везде увидеть коррупцию	1	2	3	4	5
16. В регионах России чиновники больше боятся борьбы с коррупцией, чем в мегаполисах	1	2	3	4	5
17. Борьба с коррупцией – это зачастую компанейщина, мешающая осуществлению реальной помощи населению	1	2	3	4	5
18. Борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми					
19. Под видом борьбы с коррупцией чаще реализуются интересы отдельных чиновников или их ведомств, чем реальная борьба с коррупцией	1	2	3	4	5
20. Борьба с коррупцией делает обычного чиновника более трусливым	1	2	3	4	5
21. Борьба с коррупцией ставит крест на многих инициативах населения в области местного самоуправления	1	2	3	4	5
22. Борьба с коррупцией вносит слишком много ограничений, которые мешают конструктивному взаимодействию с населением и другими сообществами	1	2	3	4	5
23. Борьба с коррупцией делает чиновников отстраненными, избегающими обычного общения, коммуникации	1	2	3	4	5

Именно специфика публикуемых материалов (чаще всего – самые громкие дела) ставит вопрос о подлинном характере данной борьбы: является ли она действительно *системной* (направленной в первую очередь на искоренение коррупции во всех сферах) или же *демонстративной* (связанной с выстраиванием грамотной инфополитики, отвлекающей население от реального состояния дел в секторе коррупции и борьбы с ней). С другой стороны, молниеносное репродуцирование актуальной информации в современном цифровом пространстве делает положение недобросовестного чиновника все менее комфортным.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы, коррупцифобия остается практически неизученным феноменом в отечественной и мировой науке. Настоящее исследование стремится частично восполнить этот пробел с помощью подготовки и дальнейшей апробации авторской методики на российской выборке государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти.

В качестве инструмента для исследования коррупцифобии российских государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти, предлагается использовать разработанный авторами в 2023 году вопросник (табл. 1).

В инструментарий исследования также необходимо включить 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (ОСД) [Sidanius, Pratto], 5-пунктный опросник осведомленности о коррупции [Davis, Smith], 4-пунктный опросник порицания коррупции [Li et al.]. Дополнительно возможно использование короткой версии опросника темной триады («The Short Dark Triad Questionnaire») [Paulhus, Williams] в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситникова и О.В. Паршиковой (2015) для измерения трех психологических черт личности: макиавеллизма, невротизма и субклинической психопатии.

Данные исследования могут проводиться в форме опроса респондентов, выбранных из глав отделов по противодействию коррупции в органах исполнительной власти.

Феномен коррупцифобии является важным содержательным элементом, характеризующим диалог власти и общества и влияющим на его качество. Изучение этого явления приводит нас к своего рода социальному парадоксу: эффективной работе государства вредит не только коррупция, но и рождаемый жестким противодействием ей страх государственного и муниципального служащего совершить поступок, который может быть квалифицирован как коррупционный. Коррупцифобия – пункт, в котором сходятся социально-исторические, правовые, психологические мотивы.

Опросник коррупцифобии может выступать комплексным дополнением профиля коррупциогенности и предоставлять более полную информацию о личностных качествах и социальных фобиях чиновника. Методика может быть применена в исторических и социально-политических исследованиях, нацеленных на выявление факторов, способствующих и препятствующих эффективному и равноудовлетворительному диалогу государства и общества, а также в социально-политических и историографических исследованиях для понимания и интерпретации правоприменительной практики в сфере российского антикоррупционного законодательства.

Список литературы

- Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. № 8 (43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Зайцев А.В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 1. С. 203–206.
- Кабанов П.А. Антикоррупционное информирование с использованием официальных сайтов органов публичной власти Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: вопросы правового регулирования // Правовая информатика: теория и опыт: сб. ст. / гл. ред. Ю.В. Матвиенко. Москва: Науч. центр прав. инф. при Мин-ве юстиции РФ, 2018. С. 88–101.
- Крылова Д.В., Максименко А.А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор междунар. опыта // Государственное управление: электрон. вестник. 2021. № 84. С. 241–255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>
- Крылова Д.В., Максименко А.А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 230–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>
- Крылова Д.В., Максименко А.А. Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге // Научный результат. Сер.: Технология бизнеса и сервиса. 2022b. Т. 8, № 2. С. 94–107. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-9>
- Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Духанина Л.Н. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2020. Т. 13, № 4. С. 407–428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>
- Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Забелина Е.В., Булгакова Е.А. Этические установки бу-

дущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 2. С. 68–97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>

Телегина Е.Г. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия коррупции // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. С. 38–41.

Цирин А.М., Матулис С.Н., Молчанова М.А. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 4 (65). С. 24–42.

Чернышева Е.В. Правосознание в детерминации коррупционного поведения // *Психология и право*. 2021. Т. 11, № 2. С. 120–131. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110209>

Alden L.E., & Taylor C.T. Interpersonal processes in social phobia. *Clinical Psychology Review*, 2004, vol. 24, pp. 857-882. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.07.006>

Batterham P.J., Mackinnon A.J., & Christensen H. Community-Based Validation of the Social Phobia Screener (SOPHS). *Assessment*, 2017, vol. 24 (7), pp. 958-969. <https://doi.org/10.1177/1073191116636448>

Barrick M.R., Parks L., & Mount M.K. Self-monitoring as a moderator of the relationships between personality traits and performance. *Personnel Psychology*, 2005, vol. 58 (3), pp. 745-767. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00716.x>

Bienvenu O.J., Hetteema J.M., Neale M.C., Prescott C.A., & Kendler K.S. Low extraversion and high neuroticism as indices of genetic and environmental risk for social phobia, agoraphobia, and animal phobia. *American Journal of Psychiatry*, 2007, vol. 164 (11), pp. 1714-1721. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.06101667>

Bonde J.P. Psychosocial factors at work and risk of depression: a systematic review of the epidemiological evidence. *Occupational and Environmental Medicine*, 2008, vol. 65 (7), pp. 438-450. <https://doi.org/10.1136/oem.2007.038430>

Davis J.A., & Smith T.W. General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook. Cambridge, National Opinion Research Center, 1991.

de Jonge J., Bosma H., Peter R., & Siegrist J. Job strain, effort-reward imbalance and employee well-being: a large-scale cross-sectional study. *Social Science and Medicine*, 2000, vol. 50 (9), pp. 1317-1327. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(99\)00388-3](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(99)00388-3)

Fuller B., & Marler L.E. Change driven by nature: a meta-analytic review of the proactive personality literature. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, vol. 75, pp. 329-345. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.05.008>

Ghani N.M., Yunus N.S., & Bahry N.S. Leader's Personality Traits and Employees Job Performance in Public Sector, Putrajaya. *Procedia. Economics and finance*,

2016, vol. 37, pp. 46-51. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30091-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30091-0)

Gridwichai P., Kulwanich A., Pirokam B., & Kwanmuangvanich B. Role of Personality Traits on Employees Job Performance in Pharmaceutical Industry in Thailand. *Systematic reviews in Pharmacy*, 2020, vol. 11 (3), pp. 185-194. <https://doi.org/10.5530/srp.2020.3.21>

Jones D.N., & Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 51 (5), pp. 679-682. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011>

Jung M., Choi M., & Lee T-R. Determinants of Public Phobia About Infectious Diseases in South Korea: Effect of Health Communication and Gender Difference. *Asia Pacific Journal of Public Health*, 2015, vol. 27 (2), pp. 833-843. <https://doi.org/10.1177/1010539513475653>

Hidayat A. Work Engagement: Main Factors and Supporting Factors (Study at PT. ACS Surabaya). *Enrichment: Journal of Management*, 2022, vol. 12 (2), pp. 1299-1308. <https://doi.org/10.35335/enrichment.v12i2.377>

Hoffman Y.S.G., Grossman E.S., Bergman Y.S., & Bodner E. The link between social anxiety and intimate loneliness is stronger for older adults than for younger adults. *Aging Mental Health*, 2021, vol. 25, pp. 1246-1253. <https://doi.org/10.1080/13607863.2020.1774741>

Kotov R., Gamez W., Schmidt F., & Watson D. Linking "big" personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2010, vol. 136, pp. 768-821. <https://doi.org/10.1037/a0020327>

Li S., Triandis H.C., & Yu Y. Cultural orientation and corruption. *Ethics and Behavior*, 2006, vol. 16 (3), pp. 199-215. https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2

Niedhammer I., Goldberg M., Leclerc A., Bugel I., & David S. Psychosocial factors at work and subsequent depressive symptoms in the gazel cohort. *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*, 1998, vol. 24, pp. 197-205. <https://doi.org/10.5271/sjweh.299>

Niedhammer I., Lesuffleur T., Coutrot T., & Chastang J.F. Contribution of working conditions to occupational inequalities in depressive symptoms: results from the national French SUMER survey. *International Archives Occupation and Environmental Health*, 2016, vol. 89 (6), pp. 1025-1037. <https://doi.org/10.1007/s00420-016-1142-6>

Paulus D.J., Vanwoerden S., Norton P.J., & Sharp C. From neuroticism to anxiety: Examining unique contributions of three transdiagnostic vulnerability factors. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 38-43. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.01.012>

Piccirillo M.L., Dryman M.T., & Heimberg R.G. Safety behaviors in adults with social anxiety: review and future directions. *Behavior Therapy*, 2016, vol. 47, pp. 675–687. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.11.005>

Rohana N.S., & Abdullah C.Z. Leadership Competencies and Organizational Performance: Review and Proposed Framework. *The International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2017, vol. 7, pp. 824-831. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v7-i8/3297>

Ruiz-García A., & Valero-Aguayo L. Progressive Multimedia Exposure for Specific Phobias: A Clinical Case of Claustrophobia and Acrophobia. *Clinical Case Studies*, 2021, vol. 20 (5), pp. 402-416. <https://doi.org/10.1177/15346501211007208>

Schmidt D.W., & Ryan K. A meta-analytic review of attitudinal and dispositional predictors of organizational citizenship behavior. *Personnel psychology*, 1993, vol. 48 (4), pp. 775-802.

Seibert S.E., Kraimer M.L., & Crant J.M. What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success. *Personnel Psychology*, 2001, vol. 54, pp. 845-874. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2001.tb00234.x>.

Sidanius J., & Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

Shukla S., Aggarwal P., Adhikari B., & Singh V. Relationship between Employee Engagement and Big Five Personality Factors. *International Journal of Indian Management & Strategy*, 2014, vol. 19 (3), pp. 26-34. <https://doi.org/10.5958/0973-9343.2014.01233.2>

Stansfeld S.A., Blackmore E.R., Zagorski B.M., Munce S., Stewart D.E., & Weller I. Work Characteristics and Social Phobia in a Nationally Representative Employed Sample. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2008, vol. 53 (6), pp. 371-376. <https://doi.org/10.1177/070674370805300606>

Strachey J. Freud's views on phobias. Appendix to Freud's Obsessions and phobias, 1962.

Szabó Z.P., Kun Á., Balogh B.E., Simon E., & Csike T. Dark and strong?! The associations between dark personality traits, mental toughness and resilience in Hungarian student, employee, leader, and military samples. *Personality and Individual Differences*, 2022, vol. 186 (part B), article 111339. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111339>

Theorell T., Hammarström A., Aronsson G., Träskman Bendz L., Grape T., Hogstedt C., Marteinsdottir I., Skoog I., & Hall C. A systematic review including meta-analysis of work environment and depressive symptoms. *BMC Public Health*, 2015, vol. 1 (15), pp. 738. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1954-4>.

Valente M.S., Menezes P.R., Pastor-Valero M., & Lopes C.S. Depressive symptoms and psychosocial aspects of work in bank employees. *Occupational Medicine (Lond)*, 2016a, vol. 66 (1), pp. 54-61. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqv124>.

Valente M.S., Lopes C.S., Pastor-Valero M., & Menezes P.R. Psychosocial Work Conditions and Burnout

Among Brazilian Bank Employees: A Cross-Sectional Study. *The Annals of Occupational Hygiene*, 2016b, vol. 60 (5), pp. 567-580. <https://doi.org/10.1093/annhyg/mew013>.

Walker J.R., & Kjernisted K.D. Fear: The Impact and Treatment of Social Phobia. *Journal of Psychopharmacology*, 2000, vol. 14 (2_suppl1), pp. 13-23. <https://doi.org/10.1177/02698811000142S103>.

Yayan E.H., Arikan D., Saban F., Gürarşlan B.N., & ÖzelÖzcan Ö. Examination of the Correlation Between Internet Addiction and Social Phobia in Adolescents. *Western Journal of Nursing Research*, 2017, vol. 39 (9), pp. 1240-1254. <https://doi.org/10.1177/0193945916665820>.

References

Cirin A.M., Matulis S.N., Molchanova M.A. *Social'nyj kontrol' kak klyuchevoj faktor protivodejstviya korruptcii* [Social control as a key factor in countering corruption]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], 2017, No. 4 (65), pp. 24-42. (In Russ.)

Chernysheva E.V. *Pravosoznanie v determinacii korruptcionnogo povedeniya* [Legal awareness in the determination of corrupt behavior]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and law], 2021, vol. 11, No. 2, pp. 120-131. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110209>. (In Russ.)

Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. *Adaptatsiia korotko gooprosnika Temnoi triady* [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological Studies], 2015, No. 8 (43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>. (In Russ.)

Kabanov P.A. *Antikorruptcionnoe informirovanie s ispol'zovaniem oficial'nyh sajtov organov publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii v informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet: voprosy pravovogo regulirovaniya* [Anti-corruption information using the official websites of public authorities of the Russian Federation in the information and telecommunications network Internet: issues of legal regulation]. *Pravovaya informatika: teoriya i opyt: sb. st.* [Legal Informatics: theory and experience: collection of articles], ed. by Yu.V. Matvienko. Moscow, Nauch. centr prav. inf. pri Min-ve yusticii RF Publ., 2018, pp. 88-101. (In Russ.)

Krylova D.V., Maksimenko A.A. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v voprosakh vyivleniia i protivodeistviia korruptsii: obzor mezhdunarodnogo opyta* [Using Artificial Intelligence in Corruption Discernment and Counteraction: International Experience Review]. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektron. vestnik* [Public Administration: E-Journal], 2021, No. 84, pp. 241-255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>. (In Russ.)

Krylova D.V., Maksimenko A.A. *Est' li u rossiiskogo-korruptsionerasovest'? Osobennosti priniatiia etich-*

eskikh reshenii rossiiskimi gosudarstvennymi sluzhashchimi [Does a Russian Corrupt Official Have Conscience? Peculiarities of Ethical Decision-Making by Russian Civil Servants]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 2022, No. 3, pp. 230-253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>. (In Russ.)

Krylova D.V., Maksimenko A.A. *Rol' iskusstvennogo intellekta v antikorrupsionnom rekrutinge* [The role of artificial intelligence in anticorruption recruiting]. *Nauchnyi rezul'tat. Ser.: Tekhnologiya biznesa i servisa* [Research result. Business and service technologies], 2022b, vol. 8, No. 2, pp. 94-107. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9> (In Russ.)

Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V., Dukhanina L.N. *Otnoshenierossiian k korruptsii* [The attitude of Russians towards corruption]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12: Sotsiologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology], 2020, vol. 13, No. 4, pp. 407-428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>. (In Russ.)

Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V., Zabelina E.V., Bulgakova E.A. *Eticheskie ustanovki budushchikh predstavitelei gosudarstvennogo upravleniia i biznes-soobshchestva: sravnitel'nyi analiz* [Ethical attitudes of the future Russian officials and businessmen: Comparative analysis]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and science journal], 2023, vol. 25, No. 2, pp. 68-97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>. (In Russ.)

Telegina E.G. *Pravosoznanie i pravovaya kul'tura kak instrument protivodejstviya korruptcii* [Legal awareness and legal culture as a tool for combating corruption]. *Juvenis scientia*, 2017, No. 6, pp. 38-41. (In Russ.)

Zajcev A.V. *Publichnaya sfera kak pole dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva* [Public sphere as a field of dialogue between the state and civil society]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2013, No. 1, pp. 203-206. (In Russ.)

Alden L.E., & Taylor C.T. Interpersonal processes in social phobia. *Clinical Psychology Review*, 2004, vol. 24, pp. 857-882. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.07.006>

Batterham P.J., Mackinnon A.J., & Christensen H. Community-Based Validation of the Social Phobia Screener (SOPHS). *Assessment*, 2017, vol. 24 (7), pp. 958-969. <https://doi.org/10.1177/1073191116636448>

Barrick M.R., Parks L., & Mount M.K. Self-monitoring as a moderator of the relationships between personality traits and performance. *Personnel Psychology*, 2005, vol. 58 (3), pp. 745-767. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00716.x>

Bienvenu O.J., Hettema J.M., Neale M.C., Prescott C.A., & Kendler K.S. Low extraversion and high

neuroticism as indices of genetic and environmental risk for social phobia, agoraphobia, and animal phobia. *American Journal of Psychiatry*, 2007, vol. 164 (11), pp. 1714-1721. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.06101667>.

Bonde J.P. Psychosocial factors at work and risk of depression: a systematic review of the epidemiological evidence. *Occupational and Environmental Medicine*, 2008, vol. 65 (7), pp. 438-450. <https://doi.org/10.1136/oem.2007.038430>.

Davis J.A., & Smith T.W. General social surveys, 1972-1991: Cumulative codebook. Cambridge, National Opinion Research Center Publ., 1991.

de Jonge J., Bosma H., Peter R., & Siegrist J. Job strain, effort-reward imbalance and employee well-being: a large-scale cross-sectional study. *Social Science and Medicine*, 2000, vol. 50 (9), pp. 1317-1327. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(99\)00388-3](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(99)00388-3).

Fuller B., & Marler L.E. Change driven by nature: a meta-analytic review of the proactive personality literature. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, vol. 75, pp. 329-345. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.05.008>

Ghani N.M., Yunus N.S., & Bahry N.S. Leader's Personality Traits and Employees Job Performance in Public Sector, Putrajaya. *Procedia. Economics and finance*, 2016, vol. 37, pp. 46-51. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30091-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30091-0)

Gridwichai P., Kulwanich A., Pirokam B., & Kwanmuangvanich B. Role of Personality Traits on Employees Job Performance in Pharmaceutical Industry in Thailand. *Systematic reviews in Pharmacy*, 2020, 11 (3), pp. 185-194. <https://doi.org/10.5530/srp.2020.3.21>

Jones D.N., & Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 51 (5), pp. 679-682. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011>

Jung M., Choi M., & Lee T-R. Determinants of Public Phobia About Infectious Diseases in South Korea: Effect of Health Communication and Gender Difference. *Asia Pacific Journal of Public Health*, 2015, vol. 27 (2), pp. 833-843. <https://doi.org/10.1177/1010539513475653>

Hidayat A. Work Engagement: Main Factors and Supporting Factors (Study at PT. ACS Surabaya). *Enrichment: Journal of Management*, 2022, vol. 12 (2), pp. 1299-1308. <https://doi.org/10.35335/enrichment.v12i2.377>

Hoffman Y.S.G., Grossman E.S., Bergman Y.S., & Bodner E. The link between social anxiety and intimate loneliness is stronger for older adults than for younger adults. *Aging Mental Health*, 2021, vol. 25, pp. 1246-1253. <https://doi.org/10.1080/13607863.2020.1774741>

Kotov R., Gamez W., Schmidt F., & Watson D. Linking "big" personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2010, vol. 136, pp. 768-821. <https://doi.org/10.1037/a0020327>

Li S., Triandis H.C., & Yu Y. Cultural orientation and corruption. *Ethics and Behavior*, 2006, vol. 16 (3), pp. 199-215. https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2

Niedhammer I., Goldberg M., Leclerc A., Bugel I., & David S. Psychosocial factors at work and subsequent depressive symptoms in the gaze cohort. *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*, 1998, vol. 24, pp. 197-205. <https://doi.org/10.5271/sjweh.299>

Niedhammer I., Lesuffleur T., Coutrot T., & Chastang J.F. Contribution of working conditions to occupational inequalities in depressive symptoms: results from the national French SUMER survey. *International Archives Occupation and Environmental Health*, 2016, vol. 89 (6), pp. 1025-1037. <https://doi.org/10.1007/s00420-016-1142-6>.

Paulus D.J., Vanwoerden S., Norton P.J., & Sharp C. From neuroticism to anxiety: Examining unique contributions of three transdiagnostic vulnerability factors. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 38-43. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.01.012>

Piccirillo M.L., Dryman M.T., & Heimberg R.G. Safety behaviors in adults with social anxiety: review and future directions. *Behavior Therapy*, 2016, vol. 47, pp. 675-687. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.11.005>

Rohana N.S., & Abdullah C.Z. Leadership Competencies and Organizational Performance: Review and Proposed Framework. *The International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2017, vol. 7, pp. 824-831. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v7-i8/3297>

Ruiz-García A., & Valero-Aguayo L. Progressive Multimedia Exposure for Specific Phobias: A Clinical Case of Claustrophobia and Acrophobia. *Clinical Case Studies*, 2021, vol. 20 (5), pp. 402-416. <https://doi.org/10.1177/15346501211007208>

Schmidt D.W., & Ryan K. A meta-analytic review of attitudinal and dispositional predictors of organizational citizenship behavior. *Personnel psychology*, 1993, vol. 48 (4), pp. 775-802.

Seibert S.E., Kraimer M.L., & Crant J.M. (2001). What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success. *Personnel Psychology*, 54, pp. 845-874. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2001.tb00234.x>.

Sidanius J., & Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1999.

Shukla S., Aggarwal P., Adhikari B., & Singh V. Relationship between Employee Engagement and Big Five Personality Factors. *International Journal of Indian Ma-*

agement & Strategy, 2014, vol. 19 (3), pp. 26-34. <https://doi.org/10.5958/0973-9343.2014.01233.2>

Stansfeld S.A., Blackmore E.R., Zagorski B.M., Munce S., Stewart D.E., & Weller I. Work Characteristics and Social Phobia in a Nationally Representative Employed Sample. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2008, vol. 53 (6), pp. 371-376. <https://doi.org/10.1177/070674370805300606>

Strachey J. Freud's views on phobias. Appendix to *Freud's Obsessions and phobias*, 1962.

Szabó Z.P., Kun Á., Balogh B.E., Simon E., & Csike T. Dark and strong?! The associations between dark personality traits, mental toughness and resilience in Hungarian student, employee, leader, and military samples. *Personality and Individual Differences*, 2022, vol. 186 (part B), article 111339. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111339>

Theorell T., Hammarström A., Aronsson G., Träskman Bendz L., Grape T., Hogstedt C., Marteinsdottir I., Skoog I., & Hall C. A systematic review including meta-analysis of work environment and depressive symptoms. *BMC Public Health*, 2015, vol. 1 (15), pp. 738. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1954-4>.

Valente M.S., Menezes P.R., Pastor-Valero M., & Lopes C.S. Depressive symptoms and psychosocial aspects of work in bank employees. *Occupational Medicine (Lond)*, 2016a, vol. 66 (1), pp. 54-61. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqv124>.

Valente M.S., Lopes C.S., Pastor-Valero M., & Menezes P.R. Psychosocial Work Conditions and Burnout Among Brazilian Bank Employees: A Cross-Sectional Study. *The Annals of Occupational Hygiene*, 2016b, vol. 60 (5), pp. 567-580. <https://doi.org/10.1093/annhyg/mew013>

Walker J.R., & Kjernisted K.D. Fear: The Impact and Treatment of Social Phobia. *Journal of Psychopharmacology*, 2000, vol. 14 (2_suppl1), pp. 13-23. <https://doi.org/10.1177/02698811000142S103>

Yayan E.H., Arian D., Saban F., Gürarlan B.N., & ÖzelÖzcan Ö. Examination of the Correlation Between Internet Addiction and Social Phobia in Adolescents. *Western Journal of Nursing Research*, 2017, vol. 39 (9), pp. 1240-1254. <https://doi.org/10.1177/0193945916665820>

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 01.10.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 01.10.2023.